

Охота за красной лисицей

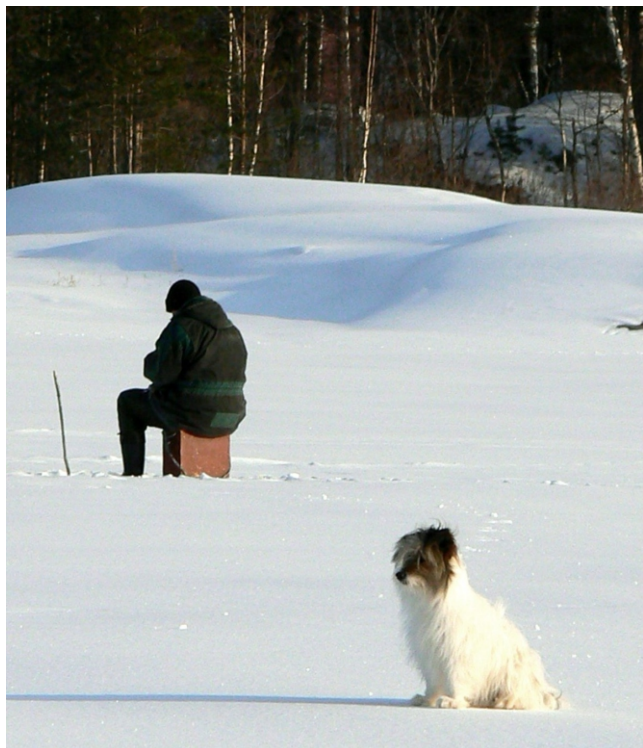
Морозным зимним утром я наслаждался рыбной ловлей на лесном озере, окружённом запорошенными скалами. Раззадоренный рыбацкой удачей и не заметил, как возле меня закипели нешуточные страсти. И стал я свидетелем занимательной охоты.

Из плотного ельника послышался раздражённый собачий лай, он залившимся эхом разнёсся по притихшему лесу. Это стая бродячих дворняг взяла лисий след, намереваясь загнать огнёвку и полакомиться деликатесом. Удел бездомных собак – понуро бродяжничать по городским свалкам и питаться, чем «бог подаст». Но в эту, на редкость морозную зиму голод загнал одичавших животных за город, где дворняги сбились в хорошо организованную стаю и охотились в таёжном лесу. Бездомная жизнь под открытым, не всегда ласковым небом напомнила собакам давно забытые охотничьи навыки и пробудила природные инстинкты. Собаки увидели красную лисицу, началась охота. Стая разбилась на пары, где каждой отводилась определённая роль в затее. Одна смычка бросилась в лесную чащу и принялась выгонять лисицу из густых дебрей на открытую гладь озера. Вторая пара притаилась «в засаде» под скалистым обрывом, наблюдая за распадком вдоль берега. В яростном порыве собаки гнали красную лису. Гон всё ближе, – псы захлёбываются в хриплом лае, не давая лисице и мига продыху. Вдруг на открытую гладь озера выскочила ярко-рыжая огнёвка и стремительно покатила на махах к лесу. Следом, опрокидывая снега с приземистого лапника, с «боевым кличем» мчались две долговязые взерошенные собаки, распалённые стремительной погоней. Собаки, вероятно, заметили человека. Но,

увлеченные охотой, не обращали внимания на притихшего рыбака, который чуть не врос в лунку, боясь навлечь на себя беду.

Тут настал черёд второму смычку травить добычу. Взвизгнув, собаки рванули по скользкой наледи наперерез огнёвке. Вот так дворняги! Теперь это матёрые хищники, смекалистые и находчивые. И вот уже зубастые пасти дышат в спину удирающей лисице. Огнёвка несётся во весь опор, петляет, намахивает круги, изматывая противника. Она торопится укрыться в зарослях кустарника, а там и лесная чаща, за которой спасительные лабиринты высоких скал, густо поросших хвойником. Но сил остаётся всё меньше, дух перехватывает от бешеной скачки, а разгорячённый кобель уже готов подмять под себя долгожданную добычу. К्लачнув зубами, пёс сделал бросок, пытаясь сбить лисицу с ног и сомкнуть на загривке крепкие челюсти. Но не тут-то было: хитрая плутовка вдруг резко затормозила, развернулась, подловив преследователя на противоход, и бросилась наутёк в обратную сторону. Кобель от неожиданности рывкнул, лягнул зубами, хватанув лишь студёный воздух. Сбитый с толку пёс поскользнулся, засучил лапами по гололёду и завалился на бок. А рыжая, тем временем, дала стрекоча к спасительному лесу, до которого рукой подать. Теперь другой загонщик сделал стремительный бросок, но ловкая огнёвка увернулась, дразня свору распалённых собак ускользящим хвостом. Собрав силёнки, лисица ринулась на обледенелые скалы под полог дремучего леса.

Обескураженные охотники кинулись, было, вдогонку, но оказалось частое голодание, отсутствие навыков преследования добычи в плотных снегах, на крутых взгорьях и в каменистых завалах. Обитатели городских свалок так и не смогли распознать хитрость рыжей плутовки. Дворняги то и дело вязли в сугробах и беспомощно тыкались мордами в снежные надувы. Обозлённая стая ещё пыталась пробиться сквозь нагромождение камней и стену кустовья, но драгоценное время безвозвратно потеряно, да и скорость уже не наверстать.

Взмыленные собаки потеряли плутовку из виду в расщелинах скал. Незадачливые охотники в последний раз обнюхали запутанный лисий след и понуро заковыляли восвояси.

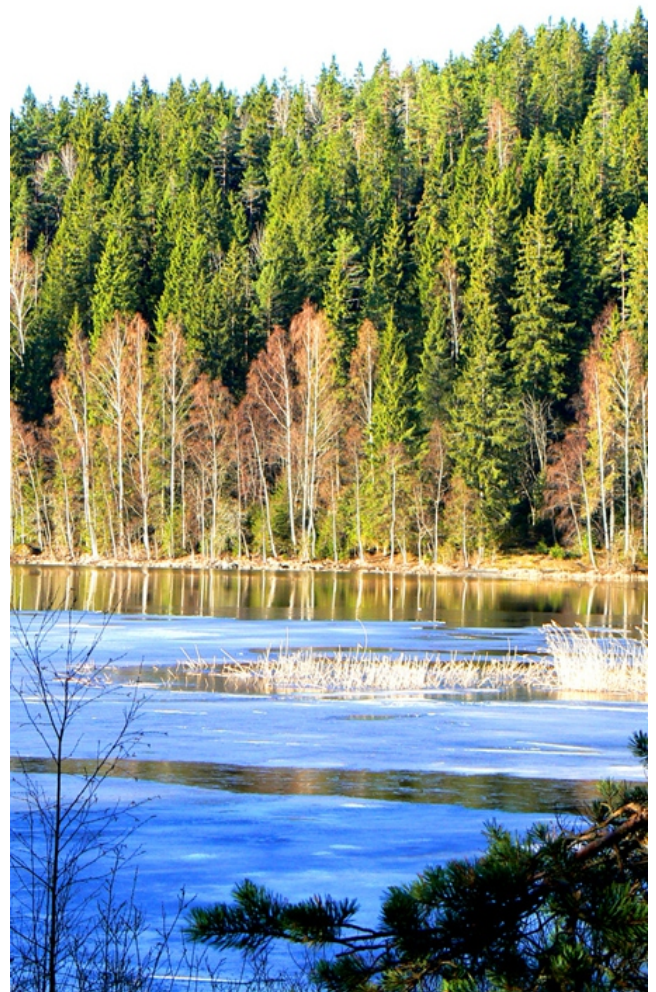
А на высоком взгорье среди запорошенной можжевелевой щетины, плотных ельников и снежных барханов вспыхнул огнём неуловимый лисий силуэт. Лисица знакомыми тропами уходила всё выше и дальше в лесную крепь, заматавая стёжку следов красным хвостом.

Свежее дыхание весны

Ещё недавно снежные надувы, ободрённые ночными заморозками, пышными барханами укутывали землю, а нынче обмякли и оскудели. После зимнего томления природа ждёт освобождения. Весна – чародейка дохнула теплом, и на стылую землю пришёл праздник. С пылающих небес щедро плещется лучезарное солнце. Всё кругом ликует, торжествует. Чахлый снег млеет, тает и плывёт. Сугробы плачут снежными слезами. Санний след раскис и потёк ручьями по пролескам и оврагам. А Морозко на весну ворчит, по ночам шалит: там ручеек хрустальным ледком прихватит, тут цветок поднежный инеем прикроет, полыньи в озере латает, трещинки паяет. А утречком ранним, только солнце глянет на мир поднебесный, как всё кругом, обсыпанное холодильными блёстками, играет и сверкает. Чудеса, да и только!

Ладушка-Весна смеётся звонкой капелью, лучится радостью и нежным теплом к земле ластится, к новой жизни пробуждается. Где пройдёт лёгкой поступью, там зашумят зелёные дубравы и развернётся навстречу солнцу, закрученный в бутон цветок весенний.

Молодая поросль изумрудными травами тянется навстречу солнцу. Благодать небесная наполняет очарованную землю живительными соками, открывает её потаённые кладовые. В старину говорили: «Была бы водица, а зелень народится».

Озорной ветерок врывается в лесную чащу и стряхивает тягостную дрему. Напоённые живительной силой деревья сбрасывают отяжелевшие от мокроты снежные шапки, отогревают на солнышке озябшие бока. Радостно постукивает молодыми шишками принарядившаяся тайга. Смолистый янтарь лениво плавится и течёт по заскорузлой сосновой коре. Вздыхает оцепеневший дуб-великан, потягивается, на радости стволом старым поскрипывает. Вербка распушилась пышными серёжками. Встрепенулась плакучая ива, что склонилась над тихой речкой, и закудрявилась нежным листком.

А сколько запахов в весеннем лесу? Сколько ароматов! Пахнет осиновой корой, мокрыми пенками, прелым листом, старыми груздями и опятами. Душистые мхи дышат дурманящей прелью. А запах чавкающей под ногами рыхлой земли – всего сильнее.

Скрытая в корнях сила матушки – земли рождает новую жизнь, она бурлит и рвётся на волю. Длиннокосые берёзы сочатся сладким соком. Набухают липкие почки на прежде сиротливых ветвях, потрескивают, лопаются, и вот уже выстреливают первые листочки. Из-под моховой подстилки робко выглядывают глазёнки скромных первоцветов. На пригорок выбрался голубой пролесок, ажурными колокольчиками звенит душистый ландыш, словно невеста в подвенечном наряде белеет ветреница дубравная. Нынче в лесу всё капает, булькает, журчит, звенит, поёт: «Весна идёт!»

Меж прелых трав и корневищ пробиваются звонкие ручьи. Озорному ручейку всё не помеха: обогнёт кряжистый ствол, подмоет старый кустарник, нырнёт в ложбинку и с хрустальный перезвонном весело покатит по склону, только его и видели. А там и до большой воды рукой подать. А уж, коли, множество ручьёв сольются в мощный поток, то с неуправляемой силой понесётся стремнина по оврагам и низвергнется рокошущим водопадом в пучину бурлящих вод.

Откуда ни возьмись, явились птицы небесные. Раскачиваются пернатые на гибких ветках – качелях, смеются звонкими трелями. Синички, пеночки, овсянки, корольки наполняют лес разно-

голосым щебетом. В густых травах поселился голосистый певец. Это жаворонок зазданный гимн поёт весне. В небесной сини тянут к северу журавли, а за ними утки, гуси, лебеди тепло на хвостах несут. По берегам шустрят писклявые трясогузки и кулики, выискивают личинок под камнями. Прилетели скворцы и выпроводили воробьёв из своих домишек. Недовольные воробьишки собрали свой нехитрый скарб из веток и пуха и отправились обустривать новые квартиры. И вот уже птичьи рулады пронзают студёную зарю. Под скрипучие стоны куропаток, уханье сов и кудахтанье токующих глухарей, обуянных любовной страстью, начинаются свадебные игры.

Весна нынче правит: днём ясным, теплом нежным ко всякому цветку подснежному, к каждой пташке малой. И люди радуются гармонии простого естества. А как радуется насекомые и рыбы, звери и птицы!

И манят по весне озёрные берега со скудеющими снегами. Просыпается озеро, оцепеневшее от сна, сладко зевает, стряхивает стылыми боками ледовые оковы. Грозно плывут колотые льдины, громыхая рваными боками, грозя паводком затопить прибрежные урёмы. Не устояли ледяные глыбы в потоках солнечного света и утонули. А на озере теперь – не броня, а каша ледовая, не пройти, провалишься. Плывёт по воде шуга, шуршит,

шумит, играет на волне. Чайки, крачки, утки, чирки на шумном базаре надрываются, на кочках гнёзда вьют, свадьбы играют. Тюлень качается на рыхлой льдине, поджидает, когда из холодных глубин поднимутся на нерест голодные рыбы. Хищные щуки, окуни, судаки, ну пировать, стайки перепуганных мальков гонять.

Озеро ревёт, бушует, стонет. Меж грохочущих скал мечется непокорная волна, рвётся из плена стылых берегов, пенится и грозно шипит, шумным прибоем разбиваясь о камни. Вот и речка – говорушка весело журчит, каждой капелькой звенит.

Гулко катит первый катер. Пора на рыбалку!

Вскрываются от снега поля пахотные, тарыхтит трактор, у людей горячая пора...

Яркое утро рождается на востоке. Клюквенным заревом плещется восход. Солнечная колесница поднимается из-за густого ельника, согревая остывшую за ночь землю. Барашками носятся облака на крыльях озорного ветерка. Вокруг ожившая, дышащая свежестью тайга. Всё это признаки бурной весны, а с ней и новый светлый день, и новый миг удачи. И разве не весной сбываются мечты? Всё только начинается! Пришла пора любви, надежд и грёз волшебных. И от того великая радость в небесах и в душах человеческих!

Святки на Ладоге

Мы отправляемся встретить Рождество в глухую деревеньку, что уютно примостилась по берегам Ладожского озера. Укрывшись за еловыми ратями, старинное селение скромно спряталось от стука паровозных колёс, загазованных городов и урчащих машин.

Молодёжь с детишками съезжаются на приволье летом да по большим праздникам: отдохнуть от цивилизации, поведать стариков да прикоснуться к первозданной природе. Вот и теперь собрались на Рождество Христово, святки да колядки.

Озёрный край встретил нас неприветливо. Новорожденный год, украшенный ёлочными гирляндами, уже заступил на вахту, а жгучих морозов ещё не бывало. А тут ещё и оттепель навалилась. Потемневшая вода подёрнулась, было, наледью, но хмурый циклон наслал косматую бурю, взъерошил гладь и разметал зазимки. Ветер завыл, хляби небесные прохудились, и обнажённая земля захлебнулась в дождевых потоках. Снег раскис и

чавкал под ногами. Но в канун рождественского сочельника ураган выдохся. Полярный ветер дохнул арктической стужей и освободил лазурный свод из плена свинцовых облаков. Ночью, будто подарок свыше, ударил долгожданный мороз.

Колотые льдины, в беспорядке прибитые к берегу, так и застыли скособоченным громадьём, выпятив острые бока. Становление льда на озере – явление фантастическое, можно сказать, магическое: сумерки наполняются таинственными звуками, озеро оглушает канонадой крепнущей ледовой брони. Порой, чудится, что сам дед Мороз ударами посоха проверяет на прочность своё творенье, а водяной глухо ухаает, противясь всё ледящему холоду, и будто пронзительно рычит разъярённый зверь.

Рождественская ночь вглядывается звёздным взором в озябшую лесную глушь. У людей нынче праздник. С Рождества Христова и до Крещения шествуют святки да развесёлые колядки, когда и покурлесить не грех. После службы в местной церквушке по случаю Рождества Христова началось святочное веселье. В чуланах и сундуках отыскивались запылённые тулупы, а в бане мочалки – козлиные бороды. Из картона вырезают коровьи, свиные и овечьи «физиономии». По деревушке снуют ряженные, отдалённо напоминающие зоопарк. Кто-то карабкается на крутосклон с приговором: «Эх, нарядилась коляда накануне рождества», – катят в санях под гору да кубарем летят в снежные надувы. Другие с факелом отправляются к воде, но без шума, чтобы не разбудить водяного, уснувшего до тепла в заилённом омутке. Ребятишки всех разыгрывают, – разрушат поленицу дров и свалят вину на чертенят. Запрягли в сани кобылу Люську, и под звон бубенцов помчались по припорошенному первопутку. Женщины с детишками, притопывая валенками по скрипучему снежку, хороводят возле ёлки и желают всем достатка. А потом разожгли большой костёр, где символично сожгли старую одежду, питая надежду на новые наряды.

Проголодавшись на морозе, галдящей гурьбой ввалились в жарко натопленную избу. Там уже на столах румянятся рыбные сбитни, картофельные калитки, каша из печи да сухие печенюшки – «рогатые козульки».

Пьяненький мужичок с мочаловой бородой по старому обычаю постучал ложкой в окно: «Эй, мороз, иди кашу есть!». Махнул рюмашку «беленькой», закусил «козулькой» и, довольный пришурившись, добавил: «Мороз каши поел и поласковел». Припоминались старые сны, гадания, давнишнее сватовство и разные чудачества. Одна в ожидании жениха ходила за деревню на перекрёсток дорог: где собака залает, оттуда и жених придёт. Правда, жених пришёл с другой стороны. Другая сковородник под подушку клала, – чтоб жениха блинами приваживать. Третья в пустой бане со свечой в зеркале отражение суженого искала. Кто-то сапожок за калитку кидал, – в какую сторону упадёт носом, оттуда и жених. В старину накануне сватовства петуха в дом заносили и смотрели, что он клюнет в первую очередь: крупу – к богатству, хлеб – к урожаю, ножницы – суженый будет портной, уголь – к вечному девичеству, монетки – к деньгам, зеркало – муж будет щёголем, а воду пить будет – быть мужу пьянице. Долгая ночь, разговоры, шутки, прибаутки да ласковое тепло печи убаюкали всю честную компанию. А потом ещё две недели самые озорные колядовали, – ряженными ходили по домам и собирали пироги да лепёшки.

Все эти забавные чудачества по своей сути – священнодействие, дошедшее из глубокой древности. С наступлением святок с небес в наш мир нисходят Белые боги, а проводником служит добрый бог Коляда (отсюда колядки). От того, как встретишь богов, зависел ход жизни на весь год. Так колядки стали народным праздником.

Рождественская ночь иссякла, и утро нас встретило сочной зарёй и смачным хрустом упругого наста. Чудодей мороз размалевал окна затейливыми узорами и щедро украсил зябкие ветви заиндевелым пушком. Ручеёк, ещё недавно струившийся из гранитной расщелины, заколдованно обмер, свесился с утёса прозрачными сосульками и сковал мягкую зелень мхов. Рыбачья лодка, с которой давеча деревенские мужики ставили сети, сиротливо пригорюнилась под нависшей сосной и обречённо отдала обшарпанные борта ледовому гнёту. Ватага смельчаков обновила первый ледок, говорят, удачно. Некоторые рыбаки в честь праздника пригласили на лов своих жён.

Одна супружеская пара направилась к укромной заводи, где бьют коварные подводные ключи. Увы, хрупкая наледь податливо надломилась, и тучная дама провалилась. Благо, глубина позволила встать на грунт, а пуховая куртка стала спасательным жилетом. На крик испуганной женщины прибежал неунывающий супруг и успокоил: «Посиди до весны, глядишь, скоро лёд распалится!». Однако срубил разлапистую ёлочку, бросил на лёд, ползком добрался до полыньи и вытащил жену на еловый настил. И смех, и грех! Рождественское омовение не отразилось на здоровье закалённой северянки и не отбило желание порыбачить. Уже через пару дней она упоённо колдовала над лункой, деловито потряхивая удочкой. Настойчивая дама обловила плёсик, подсаживая на крючок блесны рыбий глаз, и озеро подарило ей два десятка красноперых окуней. Вот уха-то будет знатная!

Двумя днями позже ледовые закраины заматерели, и мы расположились над илистой отмелью, плавно убегающей в суводь. Рыба ловилась на славу. Видно, небеса в честь торжества решили побаловать хорошим уловом. Если берёт крошечный ёршик, рыбаки со смехом подтрунивают: «Как бы леску не порвал. Гляди, слабину не давай. Сейчас за багориком сбегая!». От азарта и мороза мужики раззадорились, щёки пылают зоревым румянцем. Всему придаётся смешинка: «На-ко, чайку горяченького», – говорит один. Другой, шумно прихлёбывая чай с черничным листом, под общий хохот отвечает: «Чай не водка, много не выпьешь».

Кряжистый старичок-рыбачёк в заскорюзлой ушанке положил удочку на лёд и греет руки под полой тулупа. Вдруг удильник скользнул по наледи и нырнул в пучину вод. Недотёпа охает, торопится

схватить удильник, а руки-то в тулупе застряли, так и уплыла снасть. Ко всеобщему изумлению в соседней лунке вынырнула рукоятка удочки. Мужики со смеху чуть с ящиков не попадали: «Гляди, утопленница твоя всплыла, хватай скорей!». Дедок зайцем порскнул к лунке, вцепился в найдёныша и ощутил на леске тяжесть. Оказалось, крупный подлещик утащил снасть ко дну и теперь грузно ходит кругами на привязи. «Молодец, дед! Ещё разок утопи, может опять крупняк возьмёт!», – посмеивались развеселившиеся рыболовы.

К компании удильщиков примкнул отставной майор – пограничник. Нарушив традицию, он надумал помыться в баньке в ночь под Рождество, за что и был наказан, – сломал руку. Доктор наложил гипс, рекомендуя покой. Как же! Боевой пенсионер и дня не мыслит без рыбалки, да ещё в открытие сезона. Обмотав теплым шарфом раненую руку, он победоносно ступил на ледовую тропу. Работать буром он, конечно, не мог. И внимательные соседи насверлили ему лунки, а кто-то уступил свою: «Лови, мол, на здоровье!». Одной рукой выводить несподручно, так он приспособился наматывать леску на загипсованную руку. Да, рыбалка – поистине целебная процедура, заживляющая любые раны и душевные невзгоды. Поддержать рыбака прибежал его пёс Жук, прозванный так за «жуковый» – чёрный окрас. Пёсик уселся рядышком и внимательно наблюдал за лункой. Добродушно виляя хвостом, он подбадривал хозяина, тычась мокрым носом в солдатский бушлат.

У меня засёкся бойкий щурёнок. Отпускаю «карандашику», с наказом: «Иди и без родителей не возвращайся!», намекая на его крупных родственников.

Рождество, святки да весёлые колядки приятно всех порадовали и зарядили бодростью духа до следующего Рождества.

Старый друг лучше новых двух

Лесная сказка

На землю упали хрустальные капли дождя, пригвоздив пыль и сморщив воду в быстрой речке. И вдруг хлынул всё поглощающий дождь, глухо шлёпая фантами брызг по крышам домов. По дорогам потекли быстрые ручьи. Дух захватывает от неистового ливня, низвергнувшегося с прохудившихся небес. Три дня и три ночи лили беспросветные дожди и гремели яростные грозы. Свинцовое небо повисло тяжёлым сводом. Земля устала держать размокший небосклон. Затихли птичьи песни, присмирели журчащие ручьи. Всё живое попряталось в убежище: кто в густых кронах, кто в дуплах, кто под корнями деревьев. Порывистый

ветер взбуравил бурную речку, вода заплескалась и захлебнулась всклокоченной волной.

Разбушевавшаяся река размывала старый мост, тот зашатался, затрещав поломанными перилами, и рухнул в мутную воду. Загудел тревожно колокол, что висел на деревянной церквушке села. Поняли люди, что беда пришла, увидели – нет моста, да делать нечего – принялись дружно строить новый мост, крепче прежнего.

А ураган, тем временем, ворвался в лесную чащу и разметал птичьи гнёзда. Всё кругом взревело и взбушевалось. Взбудораженный лес закипел и с тревожной дрожью заметался в яростных объятьях озорного разбойника. Деревья натужено заскрипели и громко застонали. Первым рухнул старый Тополь. Следом затрещала Ель. Белоствольная Берёзка, которая стояла возле подземного ключа с живительной водой, пожалела свою соседку молодую Сосенку и сказала: «Пригнись, легче будет». Но статная красавица ответила: «Никто в нашем роду не гнулся. Мы к солнцу тянемся, и головы ни перед кем не склоняем». «Но солнца сейчас нет, – сказала Берёза, – и будет светить только тем, кто доживёт до завтра». «Солнце будет светить храбрецам и героям», – возразила величественная Сосна. С неистовым хохотом ураган накинулся на сосну. Та яростно зашипела и гневно закачала пышной макушкой, гордо устремлённой в небо. Долго она билась не жизнь, а на смерть, протяжный стон стоял над лесом. С грохотом рухнула сосна навзничь с вывернутыми корнями и распласталась по земле пышными руками – ветвями. Острая боль пронзила всё тело. Только Берёзка мало пострадала. Она усердно гнула спину во все стороны и заламывала руки, поддаваясь неудержимому вихрю, и вновь поднималась.

Все ждали рассвета, и он кристально чистою зарёю радостно осветил и небо, и леса, и всё живое на земле. Истосковавшие по ясному солнышку, покинули свои убежища звери и птицы. Уставшие деревья расправили плечи, расплели сцепленные руки, стряхнули тяжёлые дождевые капли и развернулись навстречу животворящему теплу. Лесу вернулись покой и тихое дыхание. Лишь звонкая песня ключа – хрустального сердца лесов, нарушала тишину.

Позавидовали деревья Берёзке и ополчились на неё. Весь сыр – бор затеяла старая Груша с кривым стволом, обросшим бороатым лишайником. Груша потеряла в грозной схватке пару крючковых веток. «Я весь год тружусь, не покладая рук, – сердито шумела Груша, – зимой даю уют белкам, а летом спасаю от голода зайцев, куниц, лосей, оленей, медвежат своими медовыми грушами. А берёза ничего не делает, только любитесь своим отражением в любимом роднике, гнётся перед всеми и остаётся невредимой. Надо прогнать её из нашего леса». Грушу поддержала дикая Яблоня с кислыми плодами. Она тоже потеряла несколько корявых веток. «Без меня не обходятся ни звери, ни птицы. Я кормлю их ароматными яблочками. Только от берёзы нет никакой пользы». «Прогнать её, – сердито зашумела Осина, – Я шуршащим шёпотом листочков сообщаю о малейшем дуновении ветра». «А я своими серёжками кормлю лесных птах всю зиму», – хвасталась Ольха, – нам не надо такой подруги». Лес возмущённо зашумел. Все грозно размахивали ветвями и бранили Берёзу.

Берёзка эта повидала на своём веку всякое: глубокие порезы от сбора сока на её коре долго сочатся, и она усердно латает раны. Гибкие ветви каждый год грубо обламывают, и к следующей весне она едва поспевает пустить новые побеги. Да

ещё ненасытный гриб-трутовик поселился на белотелом стволе, точит его, разъедает, растёт день ото дня, пыжится, чужими соками питается. Вот и научилась Берёзка гнуться и склонять голову перед жизненными бурями. «Но чем же я виновата?», – опечалилась Берёзка. От горя и обиды листочки её потускнели и пожухли. Она страдальчески опустила натруженные ветви-руки до самой земли и склонила голову с растрёпанными бурей незаплетёнными косами.

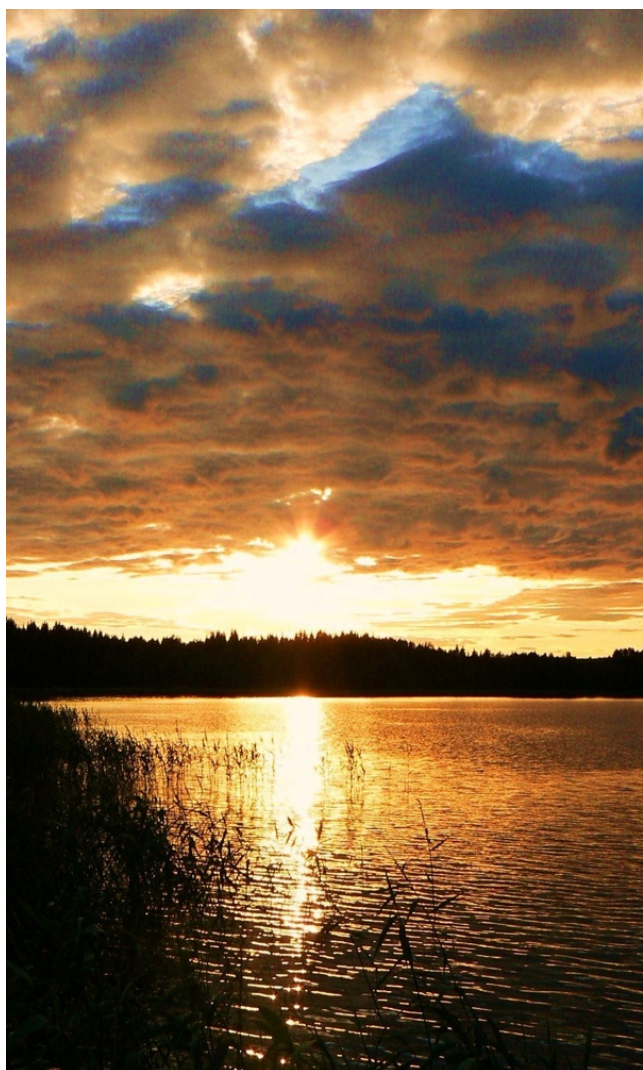
Что плохого я им сделала? – грустно прошелестела Берёза, – разве я не родилась в этом лесу? И как я покину живоносный источник, с которым подружилась в раннем детстве? Без моей тени палящие лучи солнца высушат родничок, и тогда путники и пастухи останутся без ключевой воды. Не смогут люди утолить жажду моим целебным соком да попариться в баньке с моим душистым веничком, а умелые мастера не сплетут берестяное лукошко для грибов да сочных ягод, и не будут водить весёлые хороводы девушки с ребятами в тени моих раскидистых ветвей.

Долго терпел ссору старый Вяз. Много повидал мудрый великан за свои лета. В борьбе с ураганами и злыми ветрами он потерял немало ветвей, на стволе его много шрамов от незаживающих, ноющих ран. Не любил он пустых разговоров, да и солидный возраст научил меньше говорить, а больше молчать. Но терпение старика иссякло. Вздохнул тяжело Вяз, закричал, заскрипел могучим стволом и укоризненно покачал натруженными ветвями. Грозно зашумел он, и все притихли. И рассказал старик былое:

«Давно это было, когда грохотали пушки и рвались снаряды. Один снаряд попал в мой ствол и оставил глубокую рану. Мимо шли уставшие от войны солдаты, они остановились отдохнуть под

тенью моих раскидистых ветвей. Увидели бойцы поверженного гиганта и залатали тяжёлую рану сосновой смолой. А на месте привала посадили маленькую берёзку в память об окончании сражений. Полили воины деревце ключевой водой, напились живой водицы подземного источника и ушли неведомыми лесными тропами. Прошли годы с тех пор, многие из нас постарели и высохли. А Берёзка эта выросла и стоит среди нас молодая и красивая в белоснежном наряде и в зелёном платочке. Я и сам подолгу засматриваюсь на её стройный стан и нежное очарование. Останется берёза с нами. И пусть будет так!» Тяжело вздохнул старый Вяз и затих.

«Она не приносит нарядных цветов и ароматных плодов», – возмутилось Волчье Лыко. «Да, она не приносит пышных цветов и сочных плодов, – возразил Вяз, – но зато каждую весну в её густых ветвях вьют гнёзда певучие соловьи, и лес наполняется их звонкими трелями». «А с нас и ворон достаточно, – дерзко заявила горькая Калина. «А слышите, – продолжал Вяз, – как играет на свирели, выструганной из ветки нашей Берёзки, юный пастушок из соседнего села? И звенит свирель, словно чистое серебро».

«И верно, – вдруг спохватилась взъерошенная плакучая Ива, – Берёзка наша – истинный друг, она чувствует дыхание приближающейся бури и тревожным шуршанием предупреждает об опасности, а столетняя Сосна слышит этот голос и поднимает призывный гул. И все мы сохраняем цветы и плоды лишь потому, что дружно держимся друг за друга. Мы крепко сплетаем ветви, плечом к плечу встречаем грозный ураган. А после бури Берёза успокаивает нас лёгким шелестом и радуется весёлым постукиванием изящных листочков». «Порой свои страдания так ослепляют, что чужой беды не увидеть, – прошуршала колючими иголками вечнозелёная Ель. – Как часто мы не умеем прощать тех, кто искренне заботится о нас, забываем о тех, кто защищает от опасности. Правду говорят: «старый друг лучше новых двух». Пусть Берёза живёт с нами».

Деревья успокоились, и лес притих. И все с благодарностью посмотрели на Берёзку. А та расправила пышные ветви и вновь зазеленела: от радости и понимания.

Унесённые северным ветром

Погожим вечерком в пору белых ночей мы выбрались на рыбалку в Ладожское озеро, которое называют морем за огромные его размеры. Это самое большое в Европе озеро с тысячами больших и малых островов. За нами увязался приятель, малоискушённый в рыбацком деле. Напросился порыбачить да покататься по величественному и на удивление спокойному озеру. Мы проплывали мимо шхер, обрывистых утёсов и скалистых бараньих лбов, нависших над водой. Моторную лодку брать не стали, ограничились резиновой надувашкой. Приглянулся небольшой островок, поросший молодым сосняком и кипреем на выгоревшей от пожара скале. Выбрали удобную для рыбалки пологую отмель, плавно убегающую в суводь. Солнце ещё не садилось, и благодать небесная располагала к удачному клёву. В тихой заводи, густо поросшей сочной осокой, гуляли щучки, – гоняли стайки перелеток, и те серебристыми искорками разлетались врассыпную. Всё располагало к удачной рыбалке.

Солнце румяным колобком покатило за соседнюю сопку. Божественная зорька рубиновым закатом небывалой красоты залила всё небо, лес и воду. Клубы пышных облаков превратились в громады розовых дворцов с персиковыми садами, в рыцарские замки и белокаменные храмы. Багровые холмы плавно спускались в фиолетовые долины. Меж горных вершин неспешно проплывали пурпурно-красные корабли с алыми парусами. Яхонтовыми всполохами отсвечивала вода.

Казалось, небесная страна Шамбала, воспетая Н. Рерихом, тревожно нависла над землёй во всей своей мистической красе. Вдали на краешке неба где-то над нашим домом ещё виднелся островок голубого неба с белоснежными, легкомысленно-кучерявыми облаками из той земной жизни, но и это окошко зашторилось сизовой дымкой. Могучие ели, тонкие рябинки и сосны зарделись и притихли в удивлении, настороженно замерли тростники. Очарованный небывалым зрелищем приятель восторженно воскликнул: «Теперь я знаю, что такое рай! Это же райская обитель!». Однако, похоже, что скоро будет ад.

И в самом деле: ад был на подходе: надвигалась буря. Частые штормы, ураганные ветры и высокая волна, распятая на камне – явление нередкое на обширной Ладоге. Быстро наступающая на облачные храмы мгла в миг проглотила райскую обитель и будто сошедшие с картины «Небеса асуров» гиганты – демоны сразились в извечной борьбе с бессмертными небожителями. И мы стали свидетелями этой грозной баталии. Под громовыми раскатами сотрясались купола воздушных храмов. Рубиновые, сизые, оранжевые всполохи густо сплелись в круговерти и превратились в чёрные косматые тучи. Извиваясь щупальцами медузы Горгоны, тучи закружились в дикой пляске. Казалось, будто трёхголовый дракон, давно ожидающий своего часа, изрыгал потоки огня. Холодный блеск молний рассекал небеса разящим мечом опьянён-

ных битвой воительниц Валькирий. Яркие зарницы подожгли небесный купол, высветив его лиловый лик. От райских облачных видений не осталось и следа, белая ночь сменилась чёрной.

И в тот же миг послышался грозный вой и протяжный гул, – это бушевал шторм. Озеро недовольно насупилось, зашипело и грозно покатило всклокоченную волну на гранитные берега. Не зря старожилы рассказывают жуткие истории о коварстве Ладоги. Северный ветер завыл, он неприкаянно маялся меж островов, завертев в полёте зазевавшуюся чайку и добрался до нас. Внезапно миллионы тонн воды пришли в движение. Вспенённые валы вздыбились и обрушились на притихшие скалы, накрыв собою наш островок и слизав рыбацкие снасти. Мощный прибой разбудил могучие скалы, и те загудели тревожно и грозно. От буйства стихии застонали деревья треснувшими стволами. Резиновая лодка с размаху хлопнулась на камни, чудом уцелев. Стало нестерпимо холодно. На острове оставаться опасно, – его захлёстывала всклокоченная волна. Но возвращаться по бушующему озеру ещё опаснее. Приятель советовал дожидаться утра. Но развести костёр оказалось невозможно: яростные порывы пронизывающего ветра не давали разгореться огню, а без костра здесь делать нечего. Запрыгнув в лодку, мы отправились по кипящему озеру в рискованное путешествие, исход которого предвидеть никто не мог. От полутонетровой волны нас отделяли низкие резиновые

борта. Три человека в маленькой лодочке, погружая крошечные пластиковые вёсла в тяжёлую воду, вступили в неравный бой с необузданной стихией. Маневрируя меж пенных гребней и подстраиваясь носом к волне, наш надувной кораблик неуклюже прятал свои незащищённые бока. Но лучше плескаться на волнах, чем распороть борта о гранитные берега. Приятель мой изрядно погрузистел. Восторг от созерцания райской обители сменился тревогой. Нас несло в открытую Ладогу, откуда «летучими голландцами», перепрыгивая с волны на волну, мчались рыбацкие катера, слава Богу, не потопившие наше утлое судёнышко.

Но вот лодку принесло к самому опасному месту, где прибойная волна захлёбывается в откатном потоке. Хрупкое весло от натуги лопнуло и уплыло в пучину вод. Борьба со стихией одним веслом бессмысленно. «Надувашка» беспомощно завертелась в водовороте, накренилась и обречённо понеслась на каменные глыбы. А шторм клокочет всё сильнее, и волны бьют под стон суровых берегов, и риф грозит оскалом каменных клыков. Кажется, морское чудовище Левиафан хватает мощными щупальцами беззащитных грешников, желая непременно их утопить. Мы молили Всевышнего о спасении. Брошенные на произвол судьбы пленники водной стихии могли рассчитывать только на чудо. И чудо случилось! Огромная волна неведомой силы высоко подняла лодку и, словно щепку, вышвырнула её из кипящего котла и понесла за высокий скалистый утёс. Изрядно потрёпанный резиновый кораблик чудесным

образом вырвался из плена бушующих волн и укрылся за спасительным мысом острова. Этот бараний лоб, грозно нависший над водой, надёжно защищал укромную загубинку. До самого утра бушевали яростные волны, бессильно разбиваясь об остов скалистого колосса. Мы выбрались на берег и здесь переждали ночь. Здорово продрогнув в мокрой одежде, мы укрылись резиновой лодкой.

К утру ураган выдохся, шторм угомонился, озеро присмирело, и небо высветилось лучезарным ликом. Стало тепло и радостно. И снова животворящее светило, победившее злую стихию, засияло чистотой и благодатью. На попутном ветерке, миновав болтанку, мы выплыли в лабиринты скалистых шхер.

Невольные пленники водной стихии, унесённые северным ветром в открытое озеро, блаженствовали, подходя к родным берегам. Встревоженные родственники всю ночь ожидавшие на берегу, бросились с расспросами: всё ли в порядке? Всё было в порядке, кроме одного: впервые в жизни пришло осознание того, как тонка невидимая нить между жизнью и смертью. И эта хрупкая паутинка едва не оборвалась. Ещё не веря своему спасению, горе-рыбаки «ватными ногами» ступили на земную твердь и устало побрели домой. Теплом повеяло от родной земли. Говорить не хотелось, а только помолиться за друга, за себя, и спасителя – небесного Отца.

А через пару дней грустную историю рассказал капитан рыболовецкого бота, угодившего в эту непогоду в открытой Ладоге. Как оказалось, финское радио передавало штормовое предупреждение, но наши герои не хотели верить, – ведь кругом штиль, и ничто не предвещало беды. Но с первыми штормовыми волнами капитан приказал бросить невыбранные сети, круто развернул судно и взял курс на ближайшую гавань. Вместо часа хода коварное озеро болтало корабль все восемь. Порывистый ветер сорвал рубку и капитанский мостик. Рулевой под открытым небом держал штурвал и уводил судно в безопасное место. Перепуганная повариха крепко вцепилась в рулевого, чтобы не смыло за борт. Видавшие виды рыбаки ещё долго вспоминали этот трудный поход.

Приятель мой теперь при встрече робеет, конфузится, и больше не просит прокатиться «в райскую обитель». Не зря старожилы говорят: – «Собрался в Ладожье, бери друга отважного».

А меня ещё не раз носило по крутым волнам могучей Ладоги. И всякий раз, вернувшись из передряги, проклиная холодные ветра и необузданные шторма, что яростно трепали лодку, и хлёткие потоки вод небесных, и белую крупу, побившую зелёную поросль. Но отогревшись возле жарко натопленной печи, отпоившись терпким чайком с брусничным вареньем, смыв в баньке берёзовым веничком усталость и хворобушку, да отлежав бока на душистом сене, вновь чувствуешь щемящую тоску по вспенённому озеру, что катит непокорную волну и бросает её на неприступный утёс, а взор всё чаще устремляется за подёрнутый голубоватой дымкой горизонт. И необъяснимый трепет и душевный порыв, словно стремительный полёт быстрокрылого сокола, подхватывает и уносит в озёрные дали, на заповедные острова. И вновь зовёт к себе потаённый залив, скрытый стеной тростниковой, где в рассветной малиновой влаге лениво плавают златобокие лещи.

И никакому буйству стихии не оторвать «влюблённого в Ладогу» от вскружившей голову чаровницы-природы: беспокойного озера, игривого зоревого лучика солнца, дурманящего аромата росных трав, чутко дрогнувшего поплавка и первой робкой поклёвки, от которой зальётся радостью рыбацкое сердце. И никаким полярным ветрам, ураганам и штормам не разорвать прочную нить, связующую в единое целое, природу, Бога и человека.

